

ВОСПОМИНАНИЯ Д. Л. МИХАЛОВСКОГО О ЧЕРНЫШЕВСКОМ

Публикация Е. Г. Бушканца

Публикуемый отрывок принадлежит перу известного поэта-переводчика Дмитрия Лаврентьевича *Михаловского*, с 1858 г. начавшего сотрудничать в «Современнике». К сожалению, от его воспоминаний до нас дошло только начало. Было ли вообще написано продолжение — неизвестно. Но и дошедший отрывок воспоминаний одного из рядовых сотрудников революционно-демократического «Современника» представляет несомненный интерес: он ярко передает то внимание и заботу, которыми окружал Чернышевский обращавшихся к нему начинающих писателей-разночинцев. Именно так был встречен и Д. Л. Михаловский.

Сам Михаловский описываемую встречу с Чернышевским относит к апрелю 1858 г. По-видимому, она произошла несколько ранее. Перевод поэмы Байрона «Мазепа», с которым Михаловский явился в Петербург, напечатан был уже в майской книжке «Современника» за этот год.

Печатается по автографу ЦГАЛИ (ф. 309, ед. хр. 12).

НАЧАЛО МОЕГО ЗНАКОМСТВА С НИКОЛАЕМ АЛЕКСЕЕВИЧЕМ НЕКРАСОВЫМ И НИКОЛАЕМ ГАВРИЛОВИЧЕМ ЧЕРНЫШЕВСКИМ

В апреле 1858 г., написав первое мое предназначенное для печати стихотворение, именно перевод поэмы «Мазепа» Байрона, я понес его в редакцию журнала «Современник». Редактором тогда подписывался Панаев, а издателем Некрасов. Только за год или несколько более перед тем приехавши из Закавказья и не имея никакого понятия о журнальных отношениях вообще и, в частности, о распределении ролей между двумя руководителями «Современника», я, конечно, отправился к редактору журнала, Панаеву и показал ему свою тетрадь, где четким, крупным почерком была написана поэма.

«Это у нас не пойдет, — сказал мне Панаев. — У нас теперь в ходу современные вопросы, реформы в Балтийском крае». Тогда в самом деле много писали о крестьянских реформах, которые правительство проводило в Остзейских губерниях¹.

Мне нечего было возразить против такого категорического отказа, да и всякое возражение было бы бесполезным. Но мне пришла в голову другая мысль: давно уже я задумал пристраститься к какому-либо журналу в качестве переводчика с английского языка, и потому предложил свои услуги Панаеву. Но и тут получил отказ. «У нас есть постоянный переводчик с английского, переводы с этого языка предоставлены в нашем журнале исключительно ему». Нечего было делать, я начал свертывать свою тетрадь, чтоб сунуть ее в карман, а пока я возился с этим, Панаев кое-что придумал для меня.

— Я сейчас напишу письмо Н. Г. Чернышевскому, — сказал он. — С этим письмом отправьтесь к нему. Он один из редакторов «Военного сборника» и, может быть, найдет для вас какую-нибудь работу.

Засунув свою рукопись в карман теплой шинели, я отправился к Николаю Гавриловичу и, к счастью, застал его дома.

Удивительно приятное впечатление произвела на меня его личность. Он жил тогда в Поварском переулке, номера дома я не помню. Из небольшой передней налево был вход в его кабинетик, куда меня и ввели. Кабинетик был весь завален книгами и бумагами, в которых хозяин зарылся, как крот. Небольшого роста, худенький, с золотисто-белокурыми длинными густыми волосами, беспрестанно падавшими ему на лоб при малейшем наклонении головы, с тихим, мягким голосом и с ласковой улыбкой, он мне очень понравился.

Прочитав письмо Панаева, он сказал мне: «Панаев пишет мне о „Военном сборнике“. Но там пока ничего не имеется в виду по переводной части, а я вот что придумал: мы задумали издавать при „Современнике“ „Историческую библиотеку“. Это будет сборник выдающихся исторических сочинений и монографий, и у нас уже приступлено к переводу „Истории XVIII века“ Шлоссера. Но кроме того, так как теперь самый жизнетрепещущий вопрос — крестьянская реформа в России, то я предложил — издать при „Современнике“ историю французских крестьян Бонмера. Она в двух томах. 2-й том уже переводится в Москве. Не возьметесь ли вы перевести первый? Плата — 20 рублей за лист. Я уже отдавал его для перевода одному господину, но он, проработав над первыми тремя страницами, возвратил мне книги оттого, что он не в состоянии перевести эту вещь, очень трудную для перевода. Ну так вот, не возьметесь ли за эту работу вы? Попробуйте и принесите мне первые листы. Только я еще не знаю пропустит ли это цензура, во всяком случае придется многое выпустить. Впрочем, мы будем хлопотать о разрешении»². Я поблагодарил, взял книгу, и тут, к моему великому удивлению, он прибавил: «Панаев пишет, что вы ему приносили поэму Байрона „Мазепа“. Этими вещами, т. е. стихами заведует Некрасов. Дайте вашу рукопись, я покажу ее ему»³. Я был очень рад такому обороту дела, тем более, <что> находился в крайне стесненных обстоятельствах. Шутка ли: и перевод книги с платою по 20 рублей (вместо принятой тогда платы 15), и вероятность помещения поэмы...

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Во второй половине 1850-х годов правительство подготавливало крестьянские реформы в Остзейских губерниях. В «Современнике» печатались материалы о положении остзейских крестьян с целью предупредить об опасности для них безземельного освобождения.

² Подготовленный для «Исторической библиотеки» перевод книги Ж.-Э. Бонмера «История земледельческого сословия во Франции» не был пропущен цензурой. Отредактированная Чернышевским рукопись перевода хранится в ЦГАЛИ (см. Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, стр. 180).

³ Выполненный Д. Л. Михаловским перевод поэмы Байрона «Мазепа» был напечатан в «Современнике», 1858, № 5, отд. I, стр. 5—30 (за подписью «Д. М-х-л»).